

УДК 94(470.46)“16/20” [008: 398(=512.37)]

Р. А. Таркова

Влияние калмыков на развитие социокультурной среды нижеволжского региона XVII—XXI вв.

В полиэтничном регионе, каким является Нижнее Поволжье, в том числе территория Астраханского края, длительное пребывание любого народа неизбежно оказывает многостороннее влияние на среду. На примере калмыцкого этноса XVII—XXI вв. выявляются значимые результаты влияния его пребывания в Астраханском крае на специфику местного социокультурного развития. Влияние это проявилось в обогащении архитектурного пространства новыми объектами, которые явились трансляторами идей и канонов центральноазиатского буддизма. Фольклорная сфера края обогатилась калмыцкими легендами, топонимика — названиями мест, животных и растений. Народы края переняли ряд традиций повседневности (кулинария, игры, мода). Мировоззрение и творчество ряда литераторов XIX—XX вв. сформировались под влиянием калмыцких обычаев.

Ключевые слова: аккультурация, астраханские калмыки, нерусские, культурный обмен, влияние, социокультурное поле.

Появление и расселение калмыков на Нижней Волге в пределах Астраханской губернии, затем Астраханской области — многоуровневый процесс, протекающий во всех сферах бытия и оставляющий результаты материального и духовного плана, которые могут служить маркерами степени его воздействия на то пространство, в котором он разворачивается.

Государственная власть стремилась приобщить народ, поселившийся в пределах империи, к ценностям, составляющим основу социокультурной парадигмы данного государства и общества. Но при этом происходил и обратный процесс — обогащения новой для калмыков социокультурной среды их традиционными ценностями и результатами деятельности. Влияние пребывания калмыков на развитие среды региона прослеживается по разным критериям, и все они демонстрируют работу механизма аккультурации, действующей и на этнос, который должен быть вписан в имперскую реальность, и на саму эту реальность, подвергающуюся в пределах данной территории специфическому антропогенному или даже «этногенному» воздействию и трансформациям.

То, насколько органично влился пришлый этнос в единое социокультурное поле южной окраины империи, имеющей важнейшее стратегическое значение, в чем именно проявилось его влияние на это поле, во многом остается вне фокуса внимания ученых. Влияние это начало проявляться уже с конца XVII столетия и продолжает фиксироваться до сих пор. Понимание процесса и его результатов, их актуализация и широкая популяризация (в рамках экскурсионно-туристической, музейной, образовательной деятельности) весьма важны в столь полиэтничном и мультикультурном регионе с богатым опытом выстраивания мирных взаимовыгодных отношений с большим количеством народов, их культур и систем ценностей. Иными словами, аккультурация калмыков в культурное пространство Астраханского региона выглядит как эталон процессов аккультурации нерусских народов в единое поле доминирующей культуры государства. Процессы эти привели и к тому, что «новый» народ не просто прижился на новом месте, но и стал активно изменять и обогащать его.

Изучение позитивного опыта и эффективных моделей взаимодействия власти с нерусскими народами в полиэтничном регионе представляет собой отдельное обширное

© Таркова Р. А., 2015

направление научных исследований, далеко выходящее за рамки данной статьи. Поэтому внимание будет уделено остальным «маркерам».

Важным маркером калмыцкого влияния в регионе стало обогащение его религиозного пространства благодаря распространению идей и артефактов буддизма среди населения. Как следствие — обогащение архитектурного пространства региона (строительство хурулов и иных объектов культуры). По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. [23, с. VIII], 13,65% населения губернии составляли буддисты (136 980 чел.), занимая 3-е место после православных и магометан: «Если рассматривать вероисповедания по национальностям, то буддисты и ламаиты состоят главным образом из калмыков (99,74%)». По данным И. Черкасова, на 1860 г. в Астраханской губернии числится «ламайских хурулов: каменный 1, деревянных 20, в подвижных кибитках 55» [28, с. 118]. И. Житецкий (1893 г.) указывает число хурулов во всех улусах — 63 [10, с. 43]. Хурулы не только украшали скудный астраханский пейзаж, но и выступали трансляторами знаний, канонов искусства и философских идей отдаленных регионов — Китая, Тибета, Бурятии, Монголии. Об этом упоминают исследователи. И. Ф. Бларамберг в 1836 г. в ставке князей Тюменей (ныне с. Речное) посетил «великолепный дом князя, располагавшийся возле красивого каменного калмыцкого храма... Храм с двумя полукруглыми портиками, построенный по образцу Казанского собора в Петербурге, был украшен внутри страшными идолами; в глубине находилась святая святых — статуя сидящего Будды с многочисленными жертвенными чашами у ног божества...» [3]. А. Дюма-отец, посетивший ставку Тюменей в 1858 г., также описал эстетическое впечатление от Хошеутовского хурула: «...совершили детальную инвентаризацию пагоды; что меня поразило больше, чем экстравагантные фигурки из фарфора, бронзы, серебра или золота, и что мне показалось более искусным, чем стяги со змеями, драконами и химерами, это — большой цилиндр наподобие цилиндра огромной шарманки, весь усеянный божественными ликами и предназначенный для того, чтобы намалывать молитвы...» [8].

В описании Тюменевки 1864 г. также указаны художественные особенности построек: «...владение... нойона Церен-Джаб Тюменя, с красивым ламайским хурулом и двухэтажным деревянным домом владельца. Здесь постоянное жилище владельца, обсаженное деревьями и похожее во всем на загородный помещичий дом со службами...», «брат Сербечжаба, Батур-Убуши... занимался архитектурой, и по его плану выстроен замечательной архитектуры Хурул или Сюме в Тюменевке» [2, с. 316—441]. Астраханский краевед А. Н. Штылько в путеводителе по Астрахани 1896 г. [32, с. 105] цитирует описание другого хурула в поселке Калмыцкий базар (современный пос. Приволжье) В. И. Немировича-Данченко, в котором указывается на трансляцию культурных парадигм Центральной Азии: «у алтаря оригинальные и вычурные сосуды... изображения Дарке, матери Шакьямуни, и другие, вышитые на шелковой материи, доставленные сюда из Урги...» [18, с. 349—353]. А. Штылько пишет, что «прислужники гелюнгов» за небольшую плату охотно показывают любому «внутренность хурула и принадлежности богослужения...» [32, с. 105].

И. Житецкий уделял значительное внимание калмыцким постройкам в регионе, отметив, что «последние 30—40 лет кибитки у незначительной... части калмыков стали, главным образом на зиму, заменяться и постоянными жилыми постройками. ...Выстраивают себе жилища богачи и бедняки; первых побуждает комфорт, вторых — холод. Последним... является на помощь правительство, выдавая на постройки пособия в несколько десятков рублей...». Распространение жилых зданий в Калмыцкой степи, по его наблюдениям, неравномерно. Максимальное их число сосредоточено в прилегающих к Волге районах, например в приволжских улусах — Богацахуровском и Александровском,

в Мочажном приморском улусе и «чернях» Яндыковского улуса, прилегающих к Волге, где «повсюду встречаются зимние глинобитные здания бедняков (мазанки, шабыр-кгер), и нередко между кибитками возвышаются то отдельные деревянные домики зайсангов (модон кгер), то целые группы хурульных деревянных зданий». В Мало-Дербетовском улусе «на северо-западе, по границе с Землей В. Донского у калмыков встречаются повсюду не только зимовники, но и своего рода палаты двухэтажные, архитектурно выстроенные, — это помещения нойона и двух зайсангов, и кроме того, немало деревянных домиков разбросано в зимовых кочевьях калмыков» [10, с. 5]. Важно и наблюдение о трансляции инокультурных парадигм: «...в недавнее время явился род построек оригинальных и исключительно в Мало-Дербетовском улусе. Это каменные постройки, по виду и размеру даже совершенно одинаковые с калмыцкими кибитками. Они бывают или совершенно круглые, или восьмигранные, крыши или тоже каменные, или кошемные, без трубы, а вверху, как и в кибитках, находятся «харачи» с цагрыком, и закрывается верхнее отверстие посредством орке. Но подобные каменные кибитки, сколько я их видел, назначаются не для жилья, а для приготовления кушанья: это — кухни, главным образом богачей из духовенства, и едва ли они не заимствованы от бурят и ургинских монголов, куда в последнее время ежегодно отправляются астраханские калмыки, особенно из Дербетовского улуса» [10].

О какой-либо специфике калмыцкой архитектуры в годы советской власти говорить мы не можем, помня о всеобщей унификации строительных и архитектурных норм. Хошеутовский хурул в с. Речном с некоторыми потерями дожил до наших дней, используя в годы советской власти не по назначению, другие культовые сооружения были разрушены. Однако с конца 1990-х гг. наблюдается возрождение специфических этнокультурных тенденций и влияний. С начала 2000-х гг. калмыцкие буддийские культовые объекты вновь появляются в астраханских степях. Отреставрирован Хошеутовский хурул. В октябре 2008 г. в районе с. Бударино по инициативе братьев Эрднеевых открыто первое культовое сооружение — ступа в Лиманском районе. 8 сентября 2012 г. у этого же села, на месте бывшего Харахусовского хурула, возведена ступа Просветления. 1 декабря 2013 г. на территории МО «Камышовский сельсовет» освящена ступа Просветления — ступа Победы над всеми препятствиями [14; 31]. У села Промысловка, в урочище Шар Булуг, на месте утраченного хурула в августе 2014 г. открылась ступа Совершенной Победы, построенная по инициативе и на средства калмыцкого населения. В пос. Лиман по инициативе калмыцкого населения и при поддержке региональных властей в 1997 г. началось строительство нового буддийского храма. В 2003 г. новый хурул был открыт, ознаменовав 60-летнюю годовщину депортации калмыцкого народа. На территории храма установлена мемориальная доска в память о калмыках, не вернувшихся из изгнания. Лиманский хурул является единственным действующим хурулом на территории Астраханской области [27]. И хурул, и памятник созданы по инициативе почетного жителя поселка О. Д. Сангаджиева [12].

С пребыванием калмыков в регионе связано появление предметов буддийского искусства и традиционных ремесел, последующее обогащение ими коллекций музеев региона. Сейчас коллекция калмыцких культовых предметов только в собрании Астраханского музея-заповедника насчитывает около 100 единиц хранения. Первые упоминания о собирании предметов, относящихся к калмыкам, относятся к 1893 г. [21, с. 214]. К 1905 г. в состав этнографической коллекции Петровского музея вошла коллекция калмыцких предметов из коллекции Калмыцкого Управления [21, с. 1; 29]. Первые упоминания о наличии в калмыцкой коллекции икон-танка относятся к 1906 г. Танка «Аюши» привезена из Урги и пожертвована «гецюлем Икицохуровского улуса» [20, с. 9]. «Пополняется

Музей экскурсионными сборами и предметами, приобретенными покупкою. Последним путем пополнен калмыцкий отдел, а именно приобретено несколько женских одежд, вообще слабо представленных в музее» [20, с. 2]. В настоящее время в коллекции музея-заповедника имеются 30 калмыцких танка, культовая скульптура, мирдэ¹, основные ритуальные принадлежности (ваджра, колокольчик; ритуальные чаши, литавры); элементы украшения хурула²; кюрдэ³; облачения калмыцких священнослужителей. Небольшая коллекция калмыцких танка есть и в собрании Астраханской государственной картинной галереи им. П. М. Догадина.

Можно говорить об обогащении культурного разнообразия жизни региона, что нашло отражение в творчестве литераторов и философов. В первую очередь следует упомянуть о Е. П. Блаватской, мировоззрение которой, увлечения и, возможно, вся дальнейшая исследовательская деятельность были в значительной мере обусловлены влиянием астраханских калмыков. Об этом свидетельствует сама Е. П. Блаватская: «Жила в Саратове, где дедушка был губернатором, а прежде он занимал эту должность в Астрахани и под его началом было несколько тысяч (80 тыс. или 100 тыс.) калмыцких буддистов» [1, с. 150]. «В детстве я познакомилась с ламаизмом тибетских буддистов. Я провела месяцы и годы среди ламаистских калмыков Астрахани и с их первосвященником...» [19, с. 6]. «До 9 лет единственными “нянями”, которых я признавала, были артиллерийские солдаты и калмыцкие буддисты» [19, с. 23].

Несомненно влияние астраханского буддизма на творчество поэта-футуриста Велимира Хлебникова, родившегося 28 октября 1885 г. «в стане монгольских исповедующих Будду кочевников» — на территории Мало-Дербетовского улуса. Ряд значимых наблюдений в связи с этим сделал астраханский исследователь А. А. Мамаев [15]. Так, он указал, что описанный в поэме «Хаджи-Тархан» хурул («...Чернеет тёмной своей кровлей...») — это храм в шести километрах от Астрахани на Калмыцком базаре (Приволжье). Именно в этот хурул летом 1917 г. Хлебников возил своего друга-поэта Дмитрия Петровского. Ученый считает, что под влиянием идей калмыцких буддистов поэт пришёл к мысли о «единой общине земного шара», описал древний калмыцкий обряд в произведении «Есир», писал, что «на горе Богдо гордо подымется замок для исследования неба Лебедии — осада человеческим разумом тайн звёздного мира» («Открытие народного университета»). Лебедией Хлебников называл волжское понизовье. Исследователь предположил, что, возможно, поэт назвал себя «Будетлянином», произведя это слово от имени «Будда», и тем приобщил к буддизму себя самого [15].

Повлияло пребывание калмыков в регионе и на возникновение целого пласта топонимов, гидронимов и зоонимов. С. Г. Гмелин отметил, что «много калмыков и татар в астраханских рыбных ловлях упражняется, с росписью калмыцких и татарских имян, коими обыкновенно астраханские рыбы называются» [7, с. 340]. «В самой степи растут обыкновенно кусты Калмыцкого ладона... На противной стороне озера Баскунчакского... идут места совсем черные, иловатые... Калмыки их Хакками называют... Тут кончаются... вдоль степи идущие песчаные бугры, ухвостье коих калмыки называют Нарин, а Рын песками проименовали их Россияне» [7, с. 23—24]. И. П. Корнилов писал, что «песчаные холмы называются по-калмыцки «барханы»: это слово принято и русскими». «Рын-пески у калмыков называются просто «Нарын» (по-калмыцки солнце; есть и другое калмыцкое слово: нарин — тонкий)» [13, с. 24, 25]. И. Г. Черкасов указал, что овраги

¹ Буддийский оберег. И. Житецкий описал этот оберег: «Мир-де» («шутен») или «менгку» — это миниатюры, хранящиеся в металлической коробочке (серебряных ящиках), так что мирде — род медальона с религиозным значением» [10, с. 44].

² Ламаистский храмовый комплекс.

³ Вращающийся молитвенный барабан в форме цилиндра, в который положены священные тексты.

калмыки называют «ширями» [28, с. 8]. И. П. Корнилов приводит и ряд названий животных: тарантулы — манжи-абга, черные пауки — «табун-сумун», «пушечное ядро» или «убусанца», «монахиня» [13, с. 40].

Имело место влияние калмыцких традиций повседневности на моду, традиции горожан и сельчан в регионе. Еще Ян Потоцкий [24], описывая традицию приготовления калмыцкого чая, заметил, что «калмыки варят этот чай с молоком и маслом и делают таким образом из него питье здоровое и крепительное. Все татары приняли это обыкновение». Описывая кундровцев («кундурцев»)¹, отмечает, что «они настоящие ногайцы, но приняли обычай жить в гирах² калмыцких, отчего аул их не походит на другие татарские аулы...». Есть данные о влиянии калмыков на моду: «Шапки национального калмыцкого покроя, с четырехугольной тульей, всем известны, так как образец их позаимствован для наших ямщиков и кучеров» [25, с. 195].

Наконец, одна из калмыцких народных игр — альчики — прочно вошла в обиход детей других национальностей и процветала в Астрахани вплоть до 1980-х гг. В данном случае показательно сравнение двух описаний. Первое касается калмыцкой традиционной игры: «Игра в альчики («шагалцан»), или овечьи бабки, у калмыков имеет древнее происхождение. У нее несколько вариантов... участвует 4—8 человек. Раньше в нее играли не только дети, но и взрослые. На ровном утрамбованном месте чертят круг. В центре круга ставят на кон рядами альчики (бабки), каждый играющий — по одной или две штуки, как договорятся. Отойдя от круга на 10—15 шагов, играющие по очереди битой бьют по альчикам (бабкам). У каждого по две биты. Битами служат более крупные альчики, так как они должны быть тяжелыми. Чтобы увеличить тяжесть биты, в середине просверливают отверстие и заливают его свинцом. Очередность в игре устанавливают по жребью. Тот, кто выбьет из круга две-три бабки, имеет право продолжить игру дальше и может с места падения биты выбить из круга все остальные бабки и выиграть весь кон. ...Бывало, слабый игрок проигрывал все свои альчики и выходил из игры с одной единственной битой... Красили свои альчики в разные цвета...Особенно усердно красили и берегли биты, помечали их, ставили свои отличительные знаки (клейма). Варианты игры: игра для метких, «скачки альчиков» [33, с. 80—83].

Второе описание сделано астраханцем 1938 года рождения А. В. Тарковым [6]. «Самая популярная игра пацанов среднего и более старшего возрастов. Альчиком являлся небольшой сустав свиной ноги. Будучи сухим, «обыгранным», альчик раскрашивался любой доступной краской. Объект для игры имел две стороны: «альчу» с выемкой и «тоган» — более плоскую сторону. Помимо «рядовых» альчиков непременно была так называемая «сока». Она отличалась тем, что одну из ее боковых сторон выдалбливали и заливали свинцом. ...Именно ей предстояло выбивать альчики из небольшого квадрата на земле. В центре квадрата проводилась черта, на которую игроки ставили свои альчики. По очереди они бросали свои «сочки» в сторону от черты и фиксировали кусочками палки место, куда упала сока. Если у кидающего альчик становился «на тоган», ему предоставлялось право первым бить по альчикам. Выбитые за прямоугольник костяшки становились достоянием играющего. Если же один или два альчика валились набок внутри кона (квадрата), играющий должен был «кузлать» — он добавлял на черту прямоугольника столько альчиков, сколько уронила его сока-бита. Те, у кого своих альчиков не было, ставили на кон монеты, помещая их на верхушку тогана. Иногда соку-биту отливали целиком из свинца, и тогда она называлась свинчаткой...».

¹ Ногайская субэтническая группа, ныне проживающая преимущественно в с. Тулугановка Володарского района Астраханской области.

² Гир, гер, кгер — калмыцкая кибитка, жилище.

В годы советской власти, в том числе в 1940—1950-е гг., как указывает исследовательница Л. Б. Четырова, «городская калмыцкая культура была уже социалистической по форме и по содержанию. Что касается степняков, людей, живших в степи, на чабанских точках, то они сохранили традиционную культуру. Внутри сообщества депортированных калмыков существовало расслоение, основой которого была степень сохранения традиционной культуры или, наоборот, степень вхождения в новую социалистическую культуру» [29, с. 197—198]. Обогащение культурной среды региона на современном этапе, а именно — традиций проведения различных праздников, хорошо заметно по тому, как калмыки разных поколений сейчас отмечают два важнейших религиозных праздника — Зул и Цаган Сар; по данным, собранным Л. Б. Четыровой, Цаган Сар и Зул «старики» праздновали дома — в первую очередь варили чай; те же, кто «состарились» сейчас, — тоже начали праздновать — например, пекут борцики¹ [29, с. 198].

Отдельным явлением в культурном поле региона стали калмыцкие легенды и сказки, связанные с ландшафтом, оказавшие влияние на формирование единого фольклорно-мифологического пространства «пограничья». В интернациональной группе легенд, связанных с особенностями ландшафта края и города, выделяется калмыцкий пласт. Наиболее многочисленны легенды о горе Богдо, до сих пор почитаемой калмыками-буддистами, и ее происхождении. Исследователь Г. С. Моторин записал несколько версий, в которых либо «сорок лам несли гору Богдо на плечах из Тибета», но были придавлены ею из-за грешных мыслей [17, с. 185—186], либо «гора Богдо создана Далай-Ламой во время его кочевки в здешних местах» [16, с. 235—236], либо «два подвижника, по велению Далай-Ламы, несли гору... с берегов Урала на Волгу» [4]. Вторят им калмыцкие легенды о появлении соленого озера Баскунчак, которое произошло из пролитой Далай-Ламой соленой похлебки. Есть и легенда о том, что вершина горы Богдо — обиталище самого Будды. В группе легенд, связанных с особенностями флоры и фауны Астраханского края, важное место принадлежит калмыцким легендам о лотосе. Одной из популярных версий появления лотоса — значимого символа региона — является версия о том, что он был завезен калмыками-буддистами как священное растение. Одна из легенд записана в с. Оля Лиманского района в середине XX в., в ней фигурируют юноша Лотос и девушка Цаган из калмыцкого хотона у залива Большая Чада [26, с. 138—139]. Персонажами другой калмыцкой сказки о лотосе являются не только вымышленные девушка Эрле и юноша Бембе, но и нойон Тюмень. Бембе, совершив невероятное путешествие, привез лотос из самой Индии [9, с. 77—80].

На современном этапе развития социокультурного пространства региона имеет большое значение культурно-просветительская деятельность калмыцких буддийских общин и их роль в возрождении традиций буддизма на Нижней Волге. Такова деятельность общества калмыцкой культуры «Хальмг» с центром в пос. Приволжье, руководителем которого является Н. С. Эльдяев, а связи с общественностью обеспечивает В. Лиджиева. В июне 2014 г. совместно с Астраханским музеем-заповедником и буддийской общиной с. Промысловка Лиманского района общество «Хальмг» выступило организатором межрегионального праздника День рождения Будды, в котором приняли участие все буддийские организации Астраханской области и представители творческой среды Республики Калмыкия [5], мероприятие получило поддержку областной администрации и привлекло несколько сот гостей разного возраста и вероисповедания. «Хальмг» проводит огромную работу по поддержанию калмыцкой культуры в Астраханской области и воспитанию подрастающего поколения в рамках традиций, ежегодно организует праздник «Цаган-Сар», направляет работу калмыцкого студенческого землячества, участвует в выставках и кру-

¹ Борцики, борцоки — национальное калмыцкое блюдо из теста.

глых столах, посвященных калмыцкой теме или буддизму [11]. В Лиманском районе активную культурно-просветительскую работу ведет калмыцкое общество «Герел» [14].

Интереснейшее наблюдение о появлении нового духовного феномена сделала Л. Б. Четырова, проследив, как происходит сочетание буддийской семантики с советской символикой на территории современной Калмыкии. С историей Астраханского края периода Великой Отечественной войны неразрывно связан подвиг санинструктора Натальи Качуевской, героически погибшей у калмыцкого поселка Хулхута в 150 км от Астрахани, где было остановлено наступление немецко-фашистских войск. В честь героини названа улица в Астрахани, ее память чтят и в Калмыкии. Как отмечает Л. Б. Четырова, в постсоветское время происходили трансформации восприятия и оформления подвига Н. Качуевской, которому оказались приданы дотоле не свойственные черты деяния бодхисатвы. А само место подвига стало восприниматься через призму его более ранней буддийской истории — когда здесь находились хурули ступа, возведенная в XVIII в. и разрушенная в 1930-е гг. В 2000-х гг. на этом месте была вновь возведена ступа Ушнишавиджайи. Всего в 60 метрах от нее расположена и могила Н. Качуевской. Оба объекта сейчас почитаемы [30, с. 053—054].

Еще одна традиция, бытовавшая в среде калмыков Астраханской губернии в прошлых столетиях, не только дожила до наших дней, но и получила своеобразную актуализацию на совершенно новом уровне, инициировав создание новых архитектурных и туристических объектов. Так, исследователи прошлого отмечали, что в калмыцких улусах чрезвычайно популярной была игра в шахматы, шахматные фигуры получали калмыцкие наименования, за игрой часто наблюдали зрители [10, с. 38]. Л. Б. Четырова отмечает, что в продолжение этой народной традиции уже в современной Калмыкии, во время президентства К. Илюмжинова, шахматы были включены в школьную программу, а в Элисте был выстроен новый микрорайон Сити-Чесс и дворец Сити-Чесс-Холл [30, с. 068—069]. Объекты эти обогатили культурную среду и жизнь региона и сопредельных территорий.

В целом в трудах исследователей можно вычленить следующие маркеры влияния пребывания калмыков на Нижней Волге на развитие социокультурной среды региона: 1) обогащение религиозного пространства региона: распространение буддизма и его идей среди населения; 2) обогащение архитектурного пространства (строительство хурулов и иных объектов культа); 3) появление предметов буддийского искусства и традиционных ремесел, последующее обогащение ими коллекций музеев; 4) обогащение культурного разнообразия жизни региона и отражение этого в творчестве литераторов и художников; 5) появление новых топонимов, гидронимов, зоонимов; 6) влияние калмыцких традиций повседневности на моду, традиции горожан и сельчан в регионе; 7) влияние на появление местных легенд и формирование единого фольклорно-мифологического пространства «пограничья»; 8) культурно-просветительская деятельность калмыцких буддийских общин на современном этапе и их роль в возрождении традиций буддизма на Нижней Волге; 9) создание новых объектов историко-культурного туризма.

В заключение отмечу, что возрождаемые или вновь созданные при поддержке местных калмыцких общин буддийские объекты являются потенциальными объектами историко-культурного туризма, которые необходимо включить в экскурсионно-туристические маршруты региона, привлекательные в равной мере для населения и гостей региона. Содержащиеся в нарративных источниках разных лет сведения о влиянии калмыков на местную социокультурную среду могут быть включены в тексты экскурсий, в справочные материалы к выставкам и экспозициям музеев, использованы в лекциях и спецкурсах.

Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ «Аккультурация нерусских: имперские проекты и повседневная практика (на примере астраханских калмыков)» № 15-31-01007.

Список использованных источников и литературы

1. Letters of H. P. Blavatsky to A. P. Sinnett / ed. by A. T. Barker. N. Y. ; L., 1925.
2. Бабст И. К., Победоносцев К. П. Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России. От Петербурга до Крыма. М., 1864.
3. Бларамберг И. Ф. Жизнь и труды Ивана Федоровича Бларамберга. СПб., 1836.
4. Боженова А. Гора Богдо. М., 1987.
5. В Цейхгаузе отпраздновали День Рождения Будды Шакьямуни [Электронный ресурс]. URL: <http://astrakhan-musei.ru/news/news/view/15717>.
6. Во что играли мы...: Воспоминания астраханца Анатолия Васильевича Таркова (1938 г.р.) о детских играх военных лет [Электронный ресурс] // Сайт Астраханского музея-заповедника. Раздел «Это интересно». URL: <http://astrakhan-musei.ru/article/article/view/16592>.
7. Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Часть вторая. СПб., 1777.
8. Дюма А. Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию. М., 2009.
9. Ерымовский К. И., Самаренко В. П. Каспийские легенды и сказки. Волгоград, 1969.
10. Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения за 1884—1886 гг. М., 1893.
11. Идрисов Э. Ш. Проект «Астрахань многонациональная» на Северном Кавказе. День первый. Республика Калмыкия. 21.08.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://idrisel.livejournal.com/108467.html>.
12. Калмыцкий хурул в п. Лиман [Электронный ресурс]. URL: http://vechkitova.ucoz.ru/publ/khramy_mecheti_astrahanskoj_oblasti/buddijskie_khramy/kalmyckij_khurul_v_p_limani/93-1-0-509.
13. Корнилов И. П. Заметки об Астраханской губернии. СПб., 1859.
14. Коростелева Е. Е. Ступа Совершенной Победы освящена // Лиманский вестник. 2014. 12 авг.
15. Мамаев А. А. Хлебников и буддизм // Астраханские краеведческие чтения : сб. статей / под ред. А. А. Курапова, Е. И. Герасимиди, Р. А. Тарковой. Астрахань, 2015. Вып. 7. С. 465—473.
16. Монастырский С. Иллюстрированный спутник по Волге. Казань, 1884.
17. Моторин Г. С. Озеро «Собачья голова». Астрахань, 1993.
18. Немирович-Данченко В. И. По Волге. СПб., 1877.
19. Нэф М. Личные мемуары Е. П. Блаватской. М., 1993.
20. Отчет Астраханского Петровского музея за 1906 год // Ежегодник Астраханского Петровского музея. Астрахань, 1906.
21. Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1893 год. Астрахань, 1893.
22. Отчеты Астраханского Петровского музея за 1891—1900 и 1901—1905 // Ежегодник Астраханского Петровского музея. Астрахань, 1908.
23. Первая Всеобщая перепись населения 1897 года. Т. II, тетрадь II. Астраханская губерния. СПб. : Издание Центрального статистического комитета, 1904.
24. Потоцкий Я. Путешествие Яна Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году: Путевые заметки // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV—XVIII вв. / сост. В. А. Алексеев. Сталинград, 1936.
25. Сырнева И. Н. Распределение населения Среднего и Нижнего Поволжья по территории, его этнографический состав, быт и культура // Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. Для русских людей. СПб., 1901. Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье / под ред. В. П. Семенова, П. П. Семенова, В. И. Ламанского.
26. Травушкин Н. В краю тысячи рек: историко-литературные очерки. Волгоград, 1988.
27. Храмы и мечети Астраханской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rostovgid.ru/architecture/monastery/limanskiy-hurul.html>
28. Черкасов И. Г. Статистическое и хозяйственное описание Астраханской губернии. Астрахань, 1860.
29. Четырова Л. Б. Культурные практики калмыцкой молодежи: от традиций к неотрадиционализму // Олон Улсын монголч эрдэмтдийн Х их хурлын илтгэлүүд (Proceedings of the 10th International Congress of mongolists). III боть Монголын Эдийн Засаг, Улс Төр (Volume III. Mongolia, s economy and politics). Улаанбаатархот, 2012 он. С. 197—204.
30. Четырова Л. Б. Мо(ну)менты прошлого: нелинейная история взаимосвязей в Калмыкии // Неприкосновенный запас. 2011. № 06 (80).
31. Шалдунова Н. Тэло Тулку Ринпоче в Астраханской области освятил и открыл ступу Совершенной Победы [Электронный ресурс]. URL: <http://elista.bezformata.ru/listnews/oblasti-osvyatil-i-otkril-stupu/22804101/>.

32. Штылько А. Иллюстрированная Астрахань. Саратов, 1896.
 33. Эрендженев К. Э. Золотой родник: О калмыцком народном творчестве, ремеслах и быте. Элиста, 1990.

Поступила в редакцию 18.07.2015 г.

Таркова Радмила Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент
 Астраханский музей-заповедник
 Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Советская, 15
 E-mail: 89275662348@mail.ru

UDC 94(470.46)“16/20” [008: 398(=512.37)]

R. A. Tarkova

The Kalmyks influence on the development of socio-cultural environment of the Lower Volga region of XVII—XXI centuries

In a multi-ethnic region, as is the Lower Volga region, specifically the territory of the Astrakhan region, prolonged exposure of any nation inevitably has a multifaceted impact on the environment. For example the studying of Kalmyk ethnic group staying in the Astrakhan region in XVII — XXI centuries revealed its significant influence on the specifics of the local socio-cultural development. This impact was evident in expanding the architectural space with new objects, which were the translators of ideas and canons of Central Asian Buddhism. The regional folklore was enriched by the Kalmyk legends, toponymy by place names, names of animals and plants. The local nations adopted a number of traditions of everyday life (cooking, games, fashion). Ideas and works of several writers of the XIX—XX centuries were formed under the influence of the Kalmyk traditions.

Key words: acculturation, Astrakhan Kalmyks, non-Russians, cultural exchange, influence, socio-cultural space.

Tarkova Radmila Anatolyevna, Candidate of Historical Sciences, Associated Professor
 Astrakhan State United Historical, Architectural Museum-reserve
 Russian Federation, 414000, Astrakhan, ul. Sovetskaya, 15
 E-mail: 89275662348@mail.ru

References

1. *Letters of H. P. Blavatsky to A. P. Sinnett*, ed. by A. T. Barker. N. Y. ; L., 1925.
2. Babst I. K., Pobedonostsev K. P. *Pisma o puteshestvii Gosudarya Naslednika Tsesarevicha po Rossii. Ot Peterburga do Kryma* [Letters on travelling of Crown Prince of Russia. From St. Petersburg to the Crimea]. Moscow, 1864.
3. Blaramberg I. F. *Zhizn i trudy Ivana Fedorovicha Blaramberga* [Life and works of Ivan Blaramberg]. St. Petersburg, 1836.
4. Bozhnova A. *Gora Bogdo* [Bogdo mountain]. Moscow, 1987.
5. *V Tseykhgauze otprazdnovali Den Rozhdeniya Buddy Shakyamuny* [Sakyamuni Buddha's birthday was celebrated in Zeughaus] (In Russ.) Available at: <http://astrakhan-musei.ru/news/news/view/15717>.
6. *Vo chto igrali my...: Vospominaniya astrakhantsa Anatoliya Vasilyevicha Tarkova (1938 g.r.) o detskikh igrakh voennykh let* [What games we had...: Memories of Astrakhan citizen Anatoly Vasilyevich Tarkov (born in 1938) about children's games of the war period]. *Sait Astrakhanskogo muzeya-zapovednika. Razdel «Eto interesno»*. (In Russ.). Available at: <http://astrakhan-musei.ru/article/article/view/16592>.
7. Gmelin S. G. *Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya trekh tsarstv prirody. Chast vtoraya* [Touring Russia to study three natural kingdoms. Part two]. St. Petersburg, 1777.
8. Dyuma A. *Iz Parizha v Astrakhan. Svezhie vpechatleniya ot puteshestviya v Rossiyu* [From Paris to Astrakhan. New impressions of traveling to Russia]. Moscow, 2009.
9. Erymovskiy K. I., Samarenko V. P. *Kaspiyskie legendy i skazki* [Caspian legends and fairy tales]. Volgograd, 1969.

10. Zhitetskiy I. A. *Ocherki byta astrakhanskikh kalmykov. Etnograficheskie nablyudeniya za 1884—1886 gg.* [Essays on life of Astrakhan Kalmyks. Ethnographic observation of the 1884—1886]. Moscow, 1893.
11. Idrisov E. Sh. *Proekt «Astrakhan mnogonatsionalnaya» na Severnom Kavkaze. Den pervyy. Respublika Kalmykia. 21.08.2013* [Project “Multinational Astrakhan” in the North Caucasus. Day one. The Republic of Kalmykia. 08/21/2013]. (In Russ.). Available at: <http://idrisel.livejournal.com/108467.html>.
12. *Kalmytskiy khurul v p. Liman* [Kalmyk khurul in settlement Lyman]. (In Russ.). Available at: http://vechkitova.ucoz.ru/publ/khramy_mecheti_astrakhanskoj_oblasti/buddijskie_khramy/kalmyckij_khurul_v_p_liman/93-1-0-509.
13. Kornilov I. P. *Zametki ob Astrakhanskoj gubernii* [Notes on the Astrakhan province]. St. Petersburg, 1859.
14. Korosteleva E. E. *Stupa Sovershennoy Pobedy osvyashchena* [Stupa of perfect victory is consecrated]. *Limanskiy vestnik*, 2014, 12 Aug.
15. Mamaev A. A. *Khlebnikov i buddizm [Khlebnikov and Buddhism]. Astrakhanskije kraevedcheskie chteniya : sb. statey [Astrakhan local history reading: Sat. Articles] / pod red. A. A. Kurapova, E. I. Gerasimidi, R. A. Tarkovoy.* Astrakhan, 2015, vol. 7, pp. 465—473.
16. Monastyrskiy S. *Illyustrirovannyy sputnik po Volge* [Illustrated companion for the Volga]. Kazan, 1884.
17. Motorin G. S. *Ozero «Sobachya golova»* [Lake Dog's head]. Astrakhan, 1993.
18. Nemirovich-Danchenko V. I. *Po Volge* [On the Volga]. St. Petersburg, 1877.
19. Nef M. *Lichnye memuary E. P. Blavatskoj* [Personal memoirs of Madame Blavatsky]. Moscow, 1993.
20. *Otchet Astrakhanskogo Petrovskogo muzeya za 1906 god* [Report of the Astrakhan Petrovsky Museum for 1906]. *Ezhegodnik Astrakhanskogo Petrovskogo muzeya - Yearbook Astrakhan Petrovsky Museum.* Astrakhan, 1906.
21. *Otchet Petrovskogo obshchestva issledovateley Astrakhanskogo kraja za 1893 god* [Report of Petrovsky Society of Astrakhan region researchers for 1893]. Astrakhan, 1893.
22. *Otchety Astrakhanskogo Petrovskogo museya za 1891—1900 i 1901—1905* [Reports of the Astrakhan Petrovsky Museum for 1891—1900 and 1901—1905]. *Ezhegodnik Astrakhanskogo Petrovskogo museya - Yearbook Astrakhan Petrovsky Museum.* Astrakhan, 1908.
23. *Pervaya Vseobshchaya perepis naseleniya 1897 goda. T. II, tetrad II. Astrakhanskaya guberniya* [The first general census of 1897. Vol. II, book II. Astrakhan Province]. St. Petersburg, 1904.
24. Pototskiy Ya. *Puteshestvie Yana Pototskogo v Astrakhan i okrestnye strany v 1797 godu: Putevye zametki* [Journey of Jan Pototsky in Astrakhan and the surrounding countries in 1797: Travelogue]. *Istoricheskie puteshestviya. Izvlecheniya iz memuarov i zapisok inostrannykh i russkikh puteshchestvennikov po Volge v XV—XVIII vv.* / sost. V. A. Alekseev. Stalingrad, 1936.
25. Syrneva I. N. *Raspredelenie naseleniya Srednego i Nizhnego Povolzhya po territorii, ego etnograficheskiy sostav, byt i kultura* [Distribution of the population of the Middle and Lower Volga region in the territory, its ethnographic composition, life and culture]. *Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Nastolnaya i dorozhnaya kniga. Dlya russkikh lyudey.* St. Peterburg, 1901. Vol. 6. Srednee i Nizhnee Povolzhye i Zavolzhye / pod red. V. P. Semenova, P. P. Semenova, V. I. Lamanskogo.
26. Travushkin N. *V krayu tysyachi rek: istoriko-literaturnye ocherki* [In the world of thousands of rivers: historical and literary essays]. Volgograd, 1988.
27. *Khramy i mecheti Astrakhanskoy oblasti* [The temples and mosques of the Astrakhan region]. (In Russ.). Available at: <http://www.rostovgid.ru/architecture/monastery/limanskiy-hurul.html>
28. Cherkasov I. G. *Statisticheskoe i khozyaystvennoe opisanie Astrakhanskoy gubernii* [Statistical and economic description of the Astrakhan province]. Astrakhan, 1860.
29. Chetyrova L. B. *Kulturnye praktiki kalmytskoy molodezhi: ot traditsiy k neotraditsionalizmu* [Cultural practices of Kalmyk youth: from traditions to neo-traditionalism]. *Olon Ulsyn mongolch erdemtdiyn X ikh khurlyn itgeluud - Proceedings of the 10th International Congress of mongolists. - III bot Mongolyn Ediyin Zasag, Uls Tor - Vol. III. Mongolia's economy and politics.* Ulaanbaatar, 2012, pp. 197-204.
30. Chetyrova L. B. *Mo(nu)menty proshlogo: nelineynaya istoriya vzaimosvyasey v Kalmykii* [Mo(nu)ments of the past: the history of nonlinear relationships in Kalmykia]. *Neprikosnovenniy zapas – NZ*, 2011, no 06 (80).
31. Shaldunova N. *Telo Tulku Rinpoche v Astrakhanskoy oblasti osvyatil i otkryl stupu Sovershennoy Pobedy* [Telo Tulku Rinpoche in the Astrakhan region consecrated and opened the stupa of Perfect Victory]. (In Russ.). Available at: <http://elista.bezformata.ru/listnews/oblasti-osvyatil-i-otkril-stupu/22804101/>.
32. Shtylko A. *Illyustrirovannaya Astrakhan* [Illustrated Astrakhan]. Saratov, 1896.
33. Erendzhenov K. E. *Zolotoy rodnik: O kalmytskom narodnom tvorchevte, remeslakh i byte* [Gold spring: About Kalmyk folk art, crafts and daily life]. Elista, 1990.